

ДЯДЯ ПЕТЯ. 1954

О, как хотелось прислониться
мне, безотцовщине! Хотя бы
к хромоту дяде Пете. С фронта
пришёл таким. Он пил с утра
плодово-ягодное, морщась,
потом закуривал “Аврору”,
молчал задумчиво, а мне
протягивал кулёк конфет,
засахарившихся, в комок
пахучий слипшихся. Сидели
мы рядом, словно только что
вернулся он из-под Варшавы,
где орден получил, который
на благовещенском базаре
“махнул” на пару поллитровок
вина вонючего, как дым
пороховой...

УРАНОВЫЙ РУДНИК

Опять рассвет, похожий на порез,
по склону свет кровавый разливаает,
как будто бы горит осенний лес.
Округа спит, вернее, досыпает.

Здесь в недрах мёрзлая земля хранит
руду — начинку бомб неумолимых.
Но и она покуда тоже спит
и не страшна для милых и любимых.

— Чтоб защищаться, надо, — нам твердят, —
взять у природы то, с чем непременно
страна сильнее станет...

Да, наверно...

Ну, а рассвет, похожий на закат,
пульсирует, как рана, алой пеной.

ФРОЛ

*С таким именем
великих поэтов не бывает.*

Из статьи

Если слава есть отравка,
то безвестность, что ли, мёд?..
В деревеньке захудалой
малахольный Фрол живёт.
Днём заботы по хозяйству:
куры, гуси, огород.
Вечерами — нет, не пьянство, —
вдохновения он ждёт.
Над тетрадкою склонившись,
рифмы подбирает он,
сна, спокойствия лишившись.
Да какой же к бесу сон,
если в “Знамени”, в районке,
напечатали стишок,
и сосед, как критик тонкий,
прогудел: “Ну, Фрол, ты — Блок!”
И не знает он, наивный,
хоть разбейся в доску тут,
что с таким крестьянским именем
стать великим не дадут.